

МРНТИ 343.24
УДК 343.8
JEL K14, K42

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2026-1-1-192-203>

ТАТИКОВ Р.У.,*¹

докторант.

*e-mail: tatikov.renat17@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-7694-0450

БАЛТАБАЕВ К.Ж.,¹

д.ю.н., профессор.

e-mail: baltabaev48@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-5885-5161

АБДУКАРИМОВА Н.Э.,²

д.ю.н., доцент.

e-mail: n.eshmuhamedovna@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6353-2528

ДРОКИН Ю.Н.,^{1,3}

магистр, ст. преподаватель.

e-mail: drokinjurij@rambler.ru

ORCID ID: 0009-0008-5898-0108

¹Казахстанско-Американский университет,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

²Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан

³Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются нормативные положения казахстанского законодательства, закрепляющие наряду с уголовным наказанием иные меры уголовно-правового принудительного воздействия. Указывается, что данные меры получили нормативное выражение как на уровне пенитенциарного законодательства, так и в положениях действующего Уголовного кодекса Республики Казахстан. Авторами проводится межотраслевой анализ указанного правового института с учетом его доктринальных интерпретаций, на основе которого формулируется собственное авторское понимание сущности принудительных мер уголовно-правового характера. В результате исследования делается вывод о том, что действующая редакция иных мер уголовно-правового воздействия не в полной мере соответствует их правовой природе и целям, что обуславливает необходимость совершенствования соответствующих законодательных положений. Особое внимание уделяется анализу Закона Республики Казахстан от 10 января 2018 г. «О Фонде компенсации потерпевшим», положения которого повлияли на трансформацию заключительного раздела Общей части УК РК, включая введение статей 98-1 и 98-2, регулирующих институт принудительного платежа. Авторы аргументируют позицию о том, что рассматриваемый механизм фактически обладает признаками двойной уголовной ответственности, что вступает в противоречие с конституционным запретом повторного применения принудительных мер. Отдельно подчеркивается проблема реализации данных мер уполномоченными органами, что требует дополнительного теоретического и практического осмысления.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, государственно-правовые принудительные механизмы, уголовное наказание, принудительный платеж, фонд компенсации потерпевшим, пенитенциарное законодательство, уголовное право.

Введение

Уголовный кодекс РК в положениях второй статьи закрепляет соответствующие задачи. В свою очередь, в качестве основного направления их реализации рассматривается применение к осужденным лицам регламентированного принудительного воздействия в формате наказания или уголовно-правовых мер иного, отличного от наказания характера. В принципиальном восприятии и то и другое рассматривается в качестве совершенно обоснованного результата совершения указанными правонарушителями опасных и запрещенных УК деяний.

Уголовный кодекс, как известно, рассматривается и воспринимается в качестве базового и первичного формализованного источника правовых положений уголовного законодательства. Однако применительно к нормативной конструкции иных принудительных уголовно-правовых мер не является единичным. В данном контексте мы имеем в виду другой кодифицированный источник – УИК РК. В рассматриваемом кодексе иные принудительные меры уголовно-правового свойства представлены, на наш взгляд, достаточно широко. В том или ином выражении их отражение можно увидеть в самой редакции целых трех глав УИК.

Обозначенные выводы убедительно свидетельствуют о том, что регулятивные начала правового института данных принудительных мер, по своей сущности и характеру, базируются и развиваются на основе взаимодействия между отраслями уголовного и непосредственно пенитенциарного законодательства. В редакции УИК данные меры также имеют место быть, хотя и в несколько ином, в отличие от УК состоянии с учетом особенностей предметного и методологического содержания данной отрасли.

Относительно предметного содержания уголовно-исполнительного права, составляют те общественные отношения правового характера, которые непосредственно связаны или вытекают из процесса исполнения наказаний. Исполнение иных мер уголовно-правового воздействия также входит в указанный предмет, как и применение к ним базовых средств достижения целей данных принудительных механизмов [1, 2].

Законом федерального уровня от 27 июня 2006 г. Общая часть Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) была скорректирована российским законодателем. Исходя из содержательной концепции УК РФ, законодатель данной страны к принудительным уголовно-правовым механизмам иного характера на сегодняшний день относит: принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и относительно новое понятие в виде судебного штрафа.

Подобные, достаточно смелые решения законодателя соседней страны не привели к конечным решениям. Уровень доктринального дискурса по данному поводу не только не был снижен, но стал еще более активным, что и заметно из содержания литературных источников.

Видные представители российской пенитенциарной науки полагают, что к иным мерам уголовно-правового воздействия следует относить отсрочку исполнения наказания, условно-досрочное освобождение, в вероятной степени меры воспитательного принудительного свойства и, возможно, также и другие меры императивного ограничительного свойства [3].

Материалы и методы

Исследование основывается на фундаментальных положениях доктрины уголовного и уголовно-исполнительного права, получивших нормативное закрепление в действующем законодательстве Республики Казахстан. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного права, пенитенциарной политики и теории правового принуждения, в которых раскрываются сущность, цели и формы реализации уголовной ответственности и наказания, а также иных мер уголовно-правового воздействия.

В качестве нормативного материала использованы положения Конституции Республики Казахстан, Уголовного кодекса Республики Казахстан, уголовно-исполнительного законодательства, а также специальные нормативные правовые акты, регулирующие порядок применения принудительных мер, включая нормы, связанные с функционированием Фонда компенсации потерпевшим. Дополнительно анализировались официальные разъяснения уполномоченных государственных органов и материалы правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания. Применялись формально-юридический, системно-структурный, логико-правовой, сравнительно-правовой и межотраслевой методы анализа. Использование данных методов позволило выявить внутренние противоречия и коллизии в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, а также определить несоответствие отдельных правовых конструкций сущности института уголовно-правового принуждения. Полученные результаты послужили основой для формулирования авторских выводов и предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты и обсуждение

Перманентно в фокусе внимания заинтересованных специалистов находится вопрос о тех свойствах мер принудительного иного характера, которые отражают внутренние свойства принуждения, но именно в том их состоянии, которое не является свойственным для базового принудительного инструмента, то есть для наказания.

Внимание исследователей при этом привлекают не только действующие правовые формы таких мер, но и те, которые не закреплены в законодательстве именно в данном качестве.

Прежде всего специалистов интересует вопрос о признаках и правовых особенностях принудительных мер уголовно-правового характера, не отражающих признаки и свойства наказания. Важно то, на каком уровне законодатель сформировал их содержательную сущность не только в рамках собственной формы, но и в плоскости их взаимосвязи со схожими уголовно-правовыми инструментами, имеющими характер принудительного воздействия.

Проблемные аспекты, связанные с применением данных уголовно-правовых принудительных мер, не относящихся к видам наказания и не подпадающих под его признаки, представляют несомненный и непреходящий интерес как в призме доктринальных исследований, так и в плане практического применения данных мер. Так, по нашему мнению, в достаточно острой форме в сегодняшних условиях стоит вопрос о возможной относимости конфискации имущества к иным мерам.

В данной связи важную роль играет как понятийное содержание данного правового явления, так и в целом его генезис.

На основе диалектического подхода акцентирует на себе внимание само происхождение данного понятия, особенно в плоскости истории его отражения и развития в отраслевом уголовном законодательстве. В данном контексте небезыntenесной представляется позиция профессора В. Горобцова. Данный специалист акцентирует внимание на том, что современное уголовное законодательство многих стран мира, в своем содержании отражая принудительный компонент уголовной ответственности, не ограничивается только наказанием, а использует категорию иных мер правового принуждения. Данный подход, отмечает автор, не выглядит в полной мере традиционным в развитии уголовного законодательства. Для детализации данной позиции достаточно проанализировать законодательство отдельных европейских государств, в том числе и восточной части Европы (на примере УК Польши, Беларуси и др.) [4].

Данная тенденция, продолжает проф. В. Горобцов, была подмечена еще в конце 70-х годов прошлого столетия ученым-правоведом из Польши И. Андреевым на основании изучения уголовного законодательства государств социалистического лагеря [5].

Таким образом, заключает В. Горобцов, вытекает умозаключение о том, что расширение регулятивной сферы уголовного законодательства происходит за счет замены категории «наказание» на другое, более обширное по его восприятию и правовым свойствам. Под данным понятием и имеются в виду уголовно-правовые принудительные меры иного характера [6].

В свою очередь, согласно позиции И.Э. Звечаровского, в учебнике под редакцией Г.С. Гаверова можно наблюдать одну из первых попыток понятийного осмысления категории иных принудительных мер уголовно-правового характера [7, 8].

Вместе с тем некоторые вопросы по рассматриваемой проблематике нашли свое отражение еще в конце восьмидесятых годов прошлого столетия в доктринальной модели отраслевого уголовного законодательства, составленной и исследованной группой советских ученых [9].

В частности, глава 16 данной доктринальной модели называлась «Освобождение от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия». Нормативные предписания восемьдесят третьей статьи данной главы отражали отдельные меры, которые позиционировались в формате альтернативы уголовной ответственности: 1) воспитательное воздействие принудительного характера в отношении правонарушителей, не достигших восемнадцати лет со стороны соответствующих коллегиальных органов по делам субъектов данной категории; 2) принудительное воздействие со стороны товарищеских судебных инстанций; 3) возможность передачи лица на поруки при условии принятия решения об отсрочке приговора в части его постановления.

Далее, семнадцатая глава в ее 86-й статье отражала отдельные основания уже освобождения от наказания, также с возможностью его замены следующими мерами со свойствами принуждения: а) направление на основании судебного решения лиц в возрасте до восемнадцати лет в специальное учреждение учебно-воспитательного или медико-воспитательного свойства.

С учетом изложенного следует добавить, что в рамках соответствующей теоретической модели из устойчивых уголовно-правовых институтов мер принудительного иного характера можно было бы обоснованно отнести принудительное воспитательное воздействие в отношении правонарушителей несовершеннолетнего возраста, а также осуждение условного характера.

Доктринальные источники демонстрируют единодушную позицию многих исследователей относительно необходимости дальнейшей модернизации правовых механизмов иных мер уголовно-правового воздействия. С другой стороны, как это нередко бывает, им сложно выработать по данному поводу единую консолидированную позицию не только относительно их конкретной правовой формы в УК, но самой нормативной сущности.

С позиции И. Звечаровского к данным мерам следует относить следующие позиции: 1) все те правовые механизмы Общей части Уголовного кодекса, которые связаны с возможностью освобождения от нормативной ответственности уголовного характера, включая амнистирование осужденных или привлекаемых к данной ответственности лиц. Особого внимания заслуживает предложение автора отнесения к иным мерам принудительного уголовно-правового воздействия и так называемых поощрительных норм Особой части УК, отраженных, как правило, в примечаниях к соответствующим ее нормам; 2) освобождение правонарушителей несовершеннолетнего возраста от уголовной ответственности с ее заменой на воспитательное принудительное воздействие; 3) все основания освобождения лица от уголовного наказания; 4) правовые условия замены наказания в его неотбытой части более смягченным видом; 5) снятием судимости до истечения сроков, определенных УК [10].

О.В. Тюшнякова по данному поводу рассматривает в значительной степени аналогичный перечень мер принудительного уголовно-правового характера. В частности, в данном качестве автор рассматривает: 1) нормативные императивные механизмы, принимаемые по отношению к субъекту, вероятно, причастному к совершению уголовно-противоправного деликта в его первичной стадии или в рамках производства досудебного расследования в рамках определенной правовой; 2) принудительные механизмы медицинского характера, сочетаемые с применением конкретно наказания; 3) принудительное воздействие воспитательного содержания; 4) исполнение негативных морально-правовых последствий в виде судимости; 5) отсроченный порядок применения конкретных мер наказания применительно к женщинам при указанных в УК обстоятельствах; 6) применение правовых механизмов условного осуждения; 7) порядок досрочного снятия ограничений в рамках; 8) основания реализации мер принудительного медицинского характера в направленности субъектов с поведенческими расстройствами, связанными с состоянием невменяемости на разных стадиях привлечения к ответственности или непосредственно совершения самого преступления. Как видно из вышеперечисленного, позиция данного автора является достаточно развернутой, в чем-то даже не вполне основательно.

В данной сравнительной конфигурации, по нашему мнению, позиция Е. Медведева является, вероятно, наиболее обоснованной и реалистичной. Данный автор формирует следующие признаки принудительных уголовно-правовых иных мер:

1) иные меры принудительного характера в системе уголовно-правовых механизмов не связаны с применением именно карательного воздействия;

2) такого рода правовое воздействие, хотя и носит принудительный характер, тем не менее данные меры не затрагивают по крайней мере непосредственно права и свободы личности, те, которые составляют основу правосубъектности каждого человека;

3) отсутствие негативных изменений правового характера в части коррекции правового статуса или жизненных интересов человека.

В то же время вопрос об отсутствии правовых последствий при применении принудительных уголовно-правовых, по нашему мнению, не следует воспринимать однозначно прямолинейно, поскольку они в соответствующем виде практически неизбежны. В частности, применение принудительных мер медицинского характера образует, как известно, такие последствия, в том числе связанные с возможностью в дальнейшем привлечения лица к уголовной ответственности. По мнению большинства исследователей, применяемые принудительные меры медицинской направленности занимают центральное место в общем объеме установленных законодательством правовых механизмов данного правового свойства.

В связи с этим данный автор воспринимает иные меры уголовно-правового воздействия в качестве соответствующих принудительных форм, применяемых за совершение преступлений. Такие меры хотя и связаны с правоограничениями, но сами по себе не выражают карательных особенностей и применяются в качестве правовых инструментов воздействия на виновного субъекта параллельно с наказанием. В отдельных ситуациях они могут назначаться не параллельно, а вместо наказания, когда для решения задач уголовного законодательства назначение наказания не требуется и является явно избыточной мерой [11].

Профессор Е. Медведев полагает, что рассматривать такие меры и воспринимать их следует только сквозь призму их принудительного содержания и соответствовать они должны следующим особенностям: 1) применяться они должны исключительно при совершении уголовно-запрещенных деяний; 2) иные меры уголовно-правового воздействия должны восприниматься в качестве самостоятельного уголовно-правового института и обладать самостоятельным не только правовым, но и социальным значением.

Вторая особенность предполагает, в свою очередь, наличие у данных мер обособленных и достаточно специфических целей, способности оказывать принудительное сознательно-волевое воздействие на человека, отличать от наказания не только в смысловом и содержательном плане, но и исходя из наступивших правовых изменений в результате их применения на практике.

Е. Медведев возражает против позиции отдельных ученых, предлагающих в качестве мер иного уголовно-правового воздействия рассматривать процессуальные принудительные меры, в частности, меры пресечения или так называемые иные меры принуждения процессуального характера. Мы в полной мере согласны с данной позицией. Указанный исследователь не является сторонником относимости к категории иных мер соответствующих оснований освобождения лица от юридической ответственности данного вида с учетом того, что они не могут являться нормативными средствами реализации непосредственно самой правовой ответственности уголовного характера. Данные основания не имеют обособленного правового значения и являются в некоторой степени производными правовыми инструментами от самого понятия уголовной ответственности. Это есть предусмотренные в праве механизмы освобождения от уголовной ответственности. Несколько парадоксально, но фактически цели освобождения от ответственности образуют диалектическое единство с целями ее фактического применения, поэтому должны рассматриваться и восприниматься в рамках единой правовой формы.

Как известно, направленное принуждение при освобождении лица от правовой ответственности уголовного характера не предполагает применения к освобождаемому субъекту правовых ограничительных условий принципиального содержания. По таким основаниям относимость к мерам иной принудительной уголовно-правовой направленности в части освобождения субъекта, как от самой уголовной ответственности, так и от непосредственно наказания, является убедительной и достаточно обоснованной.

Если брать во внимание опыт российского законодательства, то, по нашему мнению, позиция Е. Медведева является в достаточной степени верной в ее относимости к большинству правовым условиям рассматриваемой направленности. Возможно, в качестве исключения в данном контексте можно рассматривать только такую принудительную меру, как судебный

штраф, применяемую в качестве основания освобождения от уголовной ответственности согласно условию ст. 76.2. Амнистия, равно как и помилование, также не может быть отнесена к данным мерам, согласно мнению данного исследователя, что мы также поддерживаем.

Не вполне определенным должно рассматриваться отнесение к механизмам такого принудительного свойства обозначенные в УК основания как освобождения от наказания, так и его возможной отсрочки, а также и вероятности замены той его части, которая является неотбытой, соответственно на менее строгий вид наказания.

Данный автор утверждает, что применительно к оценке содержательной части данных инструментов отсутствует такой важный признак иных принудительных мер, как их самостоятельность.

С одной стороны, данные основания, хотя и отличаются неодинаковым содержанием, имеют тем не менее равнонаправленные правовые задачи. Они, в свою очередь основаны на реализации таких важных уголовно-правовых принципов, как дифференциация ответственности и конкретизация применения наказания с учетом особенностей индивидуального характера.

По существу, они являются соответствующими элементами конструктивного характера, входящими в общую систему мер наказания. Развиваться вне рамок данной системы они не могут. Само по себе освобождение от наказания возможно только при реализации того или иного наказания. Такие средства не могут восприниматься в качестве альтернативы наказанию.

Указанный ученый говорит о том, что действующий Уголовный кодекс закрепляет в своем содержании различные правовые инструменты принудительного воздействия на виновных лиц. В то же время не все они обладают свойствами самостоятельности в институциональном плане. Он полагает, что помимо принудительных мер медицинского содержания, а также конфискации имущества под признаки и свойства иных уголовно-правовых принудительных мер могут быть подведены и иные правовые категории. К ним он относит принудительное воздействие воспитательного свойства, применяемое к субъектам, находящимся в возрасте до восемнадцати лет, а также осуждение лица в условном порядке. Данные правовые инструменты включают в себя именно такие механизмы с отражением всех признаков, свойственных иным принудительным мерам уголовно-правового воздействия.

В системе инструментов принудительного уголовно-правового характера данные меры занимают собственное нормативно и по смыслу обусловленное место и отражают все необходимые для этого признаки, а также характеризуются адресно направленным предназначением.

В пользу их самостоятельного характера говорит их институциональное значение, а также наличие собственных методов воздействия на поведение виновных лиц. Кроме этого, данные меры влекут за собой соответствующие нормативные ограничения не карательного содержания.

Данные меры существуют и реализуются наряду с наказанием уголовного характера, в параллельном с ним режиме, а также и отдельно от наказания. В принципе, данные правовые инструменты обладают не только свойством усиления наказания, но его коррекции. При наличии соответствующих условий они могут обеспечить его замену. По большому счету, такие правовые принудительные механизмы существенным образом позволяют снизить репрессивный характер уголовного законодательства при максимальном учете всех обстоятельств той или иной сложившейся ситуации. В целом данные меры позволяют вывести решение задач уголовного законодательства на более высокий качественный уровень.

По нашему мнению, в основе данных суждений можно рассматривать концепцию о том, что конечной формой реализации нормативной публичной ответственности уголовно-правового свойства должно рассматриваться не только непосредственно наказание как главный принудительный фактор. В определенной степени такими же свойствами должны обладать и меры иного принудительного характера. Данные меры, как нам представляется, являются более обширными по своему содержанию, чем обычный инструментарий уголовной ответственности. Это связано с тем, что в содержательном смысле они, хоть и не являются наказанием, но тем не менее включают в себя выраженный корректирующий принудительный компонент [12].

С.И. Кургинов обоснованно предлагает воспринимать данные меры в качестве альтернативной формы относительно отдельных видов уголовного наказания. Указанный автор выражает по данному поводу, так сказать, двухстороннюю концепцию. С одной стороны, любые

применяемые к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, принудительные меры, предусмотренные положениями уголовного законодательства, должны рассматриваться в качестве правовой формы данного вида юридической ответственности. Во второй ситуации данные меры не имеют прямой связи с применением норм об ответственности данного вида, следовательно, применяются они по несколько иным основаниям.

В основе реализации уголовной ответственности лежит, как правило, достаточно устойчивая связь между самым общественно опасным деянием и назначенным за его совершение наказанием. Собственно говоря, это и есть непосредственно реализация данного вида правовой ответственности. Тем не менее данной вопрос, по нашему мнению, не находится в плоскости однозначных суждений. В некоторых правовых ситуациях меры иного принудительного характера не в полной мере подпадают под признаки формы уголовно-правовой ответственности.

В частности, нормативное содержание ст. 521 действующего УПК в случаях, когда судебным решением установлено, что запрещенное УК деяние совершено лицом, в установленном порядке признанном не соответствующим критериям вменяемости, в том числе если данное состояние лицо обрело уже после совершения уголовного правонарушения, и при невозможности в таких условиях применения к нему мер наказания суд в рамках процессуальных оснований, предусмотренных статьями 16 и 75 УПК, формирует решение в рамках соответствующей формализованной формы о применении к такому лицу мер принудительной медицинской направленности в их конкретном, строго определенном варианте с возможностью освобождения лица от рассматриваемого вида правовой ответственности.

В плоскости данных суждений многие исследователи считают, что признакам формы уголовной ответственности из общего объема данных принудительных мер соответствует только одна. Конкретно идет речь в данном случае о лечении у психиатра в рамках принудительного амбулаторного размещения с учетом положений ст. 92 УК. При аналогичной ситуации тем лицам, которые нуждаются в лечении, но уже не от психического заболевания, а от алкогольной, наркотической или токсикоманической зависимости, а также при проявлении поведенческих расстройств, сочетающихся с вменяемым состоянием, суд имеет право применить к таким субъектам наряду с наказанием и иные меры медицинского принудительного характера. Реализованы такие меры могут быть в условиях амбулатории.

Беря за основу вышесказанное, складывается мнение, что указанные правовые инструменты с высокой степенью обоснованности могут быть отнесены к одной из правовых основ для фактического применения ответственности публичного уголовно-правового характера в отношении отдельных фактов совершения уголовно наказуемых деликтов. Внешнее выражение и сущностное содержание таких мер непосредственно находит свое отражение в соответствующих правоограничениях, касающихся интересов виновных лиц. Такие правовые механизмы должны, на наш взгляд, носить по отношению к наказанию дополнительный характер, а также при соответствующих условиях могут рассматриваться как альтернативное воздействие на субъекта в соотношении с определенными правовыми ограничениями не карательного характера.

В действующем Уголовном кодексе, по нашему мнению, целесообразно в качестве иных мер принудительного уголовно-правового характера на формальном уровне закрепить следующие механизмы правового воздействия: меры принудительного медицинского характера, условное осуждение виновных субъектов, воспитательные принудительные меры в отношении лиц несовершеннолетнего возраста, а также осуждение в условном порядке, конфискацию имущества и отсрочку наказания.

Заслуживает в исследовательском плане внимания результат развития российского отраслевого законодательства по данному предмету. Анализ межотраслевого соотношения правовых положений УК и УИК данной страны говорит о некоторой незавершенности относительно формализации принудительных уголовно-правовых мер иного характера в содержании данных отраслевых кодексов. В частности, ст. 7 УИК РФ отражена в названии: «Основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера». Непосредственно 24 глава данного кодекса называется «Осуществление контроля за поведением условно осужденных». В то же время осуждение в условном порядке не отражено в 6-м разделе Уголовного кодекса данной страны [14].

Мнение ведущих ученых-юристов по данному вопросу также нельзя рассматривать как единодушное. Так, В.И. Селиверстов в части данной проблематики высказывает сомнение относительно возможности и необходимости формализации иных мер в содержании правовых источников пенитенциарного характера, в частности в УИК [14].

В то же время, несмотря на такого характера сомнения, данный ученый отмечает, что научно-доктринальная форма Общей части УИК РФ отражает в своем содержании регламентацию исполнения в одном случае и отбывания в другом как иных мер уголовно-правовой принудительной направленности, так и непосредственно относительно наказания [12].

Далее, сфокусируем внимание на положениях отраслевого законодательства РК, имеющих отношение к данной проблематике. В статье 2-й УК РК находит свое отражение термин «меры уголовно-правового воздействия». Помимо этого, данное понятие упоминается также в ч. 4 ст. 48 данного правового источника, где отражается правовое содержание конфискации имущества в качестве меры наказания дополнительного характера. В Уголовном кодексе указано на возможность принудительного изъятия имущества в виде его конфискации на основании решения судебного органа в качестве механизма уголовно-правового принудительного воздействия. Данное решение может быть принято исключительно с учетом правовых условий, предусмотренных императивами 15-го раздела УПК. Подобная мера также не может рассматриваться в качестве уголовного наказания.

Помимо данного обстоятельства, в соответствии с условиями 71 главы УПК РК, нормативный порядок реализации производства относительно конфискации имущества, которое было виновным получено неправомерным способом, с учетом положений 15-го раздела УПК имущество, полученное неправомерным путем, может быть конфисковано и до приговора суда. Следовательно, такая правовая процедура с учетом стадии уголовного процесса, на которой она применяется, а также положений принципа презумпции невиновности, не может восприниматься в формате исключительно наказания. Несомненно, наличие данных условий не позволяет рассматривать данную меру в качестве непосредственно наказания с учетом далеко неполного соответствия его признакам. Очевидно близкое соответствие такой меры к принудительным механизмам иного воздействия уголовно-правового характера.

С другой стороны, в уголовно-процессуальном законодательстве не наблюдается понятийного закрепления таких принудительных мер. Имеются в виду «меры уголовно-правового воздействия». Исходя из этого возникает вопрос о возможности использования данного понятия в условиях практического правоприменения без его отражения в отраслевом законодательстве на уровне профильных кодексов и без разъяснения его правового содержания.

Смысловая нагрузка данного понятия отражает то, что государство до вынесения приговора может предпринимать определенные меры в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, в данном случае применять конфискацию имущества. Закон Республики Казахстан «О Фонде компенсации потерпевшим», регулирующий порядок компенсационных возмещений потерпевшим по отдельным категориям преступлений, вступивший в силу с 1 июля 2018 г., был принят 10 января 2018 г.

Данное обстоятельство повлекло за собой соответствующую коррекцию нормативных условий действующего Уголовного кодекса. С учетом данного факта в действующий УК РК были внесены корректирующие изменения. Так, подверглось модернизации и было изменено название, а также содержательная часть заключительного, 7-го раздела УК. Название раздела на данный момент представлено в следующей редакции: «Принудительные меры медицинского характера. Иные меры уголовно-правового характера». На предметном уровне это связано с появлением в данном разделе совершенно новых норм, а именно ст. 98-1 и ст. 98-2, определяющих как понятие принудительного платежа, так и его размер.

Данные изменения подтверждают изменение позиции законодателя непосредственно к понятию иных мер принудительного уголовно-правового воздействия, которое было обозначено, как мы выше отметили, в ч. 2 ст. 2 УК и ст. 48 «Конфискация имущества». С учетом положений ст. 98-1 с виновного в совершении преступления лица взыскивается в строго определенном формате эквивалентная денежная сумма в виде платежа принудительного характера. Конкретный размер данного взыскания устанавливается на основании ст. 98-2. Данная правовая манипуляция, по мнению законодателя, направлена на повышение эффективности защиты интере-

сов потерпевшего от преступления лица. Принудительный платеж взыскивается на основании соответствующего судебного решения и с учетом регулятивных положений законодательства РК о Фонде компенсации потерпевшим лицам от совершения определенных преступлений.

Спорным и крайне неоднозначным остается вопрос о правовой сущности данного принудительного платежа. Дело в том, что осужденному за совершенное деяние уже установлено наказание также на основании соответствующего судебного решения, и почему он должен выплачивать вновь какой-то платеж? Ведь этот платеж ограничивает имущественные права осуждаемого и обладает, таким образом, выраженным карательным содержанием.

Как известно, в ч. 1. ст. 39 УК РК наказание установлено в качестве меры государственно-принудительного характера, назначаемой исключительно на основании судебного обвинительного вердикта, название новой меры и «взыскание» ее судом позволяет считать принудительный платеж наказанием. Таким образом, законодательно закрепляется назначение за одно правонарушение двух наказаний, что противоречит абзацу 2 п. 3 ст. 77 Основного закона нашего государства. На высоком конституционном уровне с учетом названных правовых положений запрещено повторное привлечение лица к разным видам правовой ответственности за одно и то же правонарушение, предусмотренное положениями отраслевого законодательства уголовного и административного характера.

Заключение

Формализованные законодателем изменения и дополнения в Уголовный кодекс на основании закона «О фонде компенсации вреда» от 10 января 2018 г. обнаруживают прямое несоответствие казахстанской Конституции, а также положениями ст. 4 самого Уголовного кодекса и на данном основании должны быть исключены.

На основании отмеченных обстоятельств в резолютивном моменте целесообразно обратить внимание на то, что закон «О Фонде компенсации потерпевшим» и скорректированное в связи с ним название и содержание раздела 7 УК РК способствовали развитию в отраслевом казахстанском законодательстве коллизионных правовых категорий и в связи с этим привели к созданию новых и усугублению имеющихся проблем не только непосредственно правового, но и доктринального характера:

1. Не придя к единому пониманию нормативной сущности иных мер уголовно-правового воздействия, законодатель Казахстана отнес к этому понятию «принудительный платеж», юридическая природа которого также не определена и который, как мы отметили выше, является не чем иным, как наказание, что противоречит нормам Конституции РК.

2. Законодатель, указав в УИК РК в качестве предмета регулируемой им отрасли права наряду с наказанием и иные меры уголовно-правового принудительного воздействия, в дальнейшем определил в данном качестве также и платеж принудительного характера с передачей его реализации Министерству финансов РК.

Мы обоснованно полагаем, что нежелание законодателя воспринимать состоятельность отмеченных предложений и рекомендаций относительно дальнейшего развития действующего отраслевого уголовного законодательства в данном направлении не будет способствовать устранению возникших в результате такого решения коллизий и прямых противоречий конституционного, отраслевого и межотраслевого характера, возникших в связи с принятием закона «О компенсации вреда потерпевшим».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер.закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397073&pos=597;217 (дата обращения: 13.03.2026)
- 2 Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – С. 51–52.
- 3 Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – С. 49–50.
- 4 Горобцов В. О перспективах расширения предмета уголовного права // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 20–21.

- 5 Андреев И. Очерк по уголовному праву социалистических государств. – М., 1978. – С. 12–13.
- 6 Горобцов В. Очерк по уголовному праву социалистических государств. – М., 1978. – С. 20–21.
- 7 Звечаровский И.Э. Понятие, система, виды мер уголовно-правового характера / Российское уголовное право: курс лекций. Т. 2. Наказание. – Владивосток, 1999. – С. 3–8.
- 8 Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. – Иркутск, 1994. – С. 187–214.
- 9 Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / под ред. В.Н. Кудрявцева, С.Г. Келина. – М., 1987. – С. 186–194.
- 10 Российское уголовное право: курс лекций. Т.2. Наказание / под. ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999. – С. 7–8.
- 11 Медведев Е. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение преступлений // Уголовное право. – 2009. – № 5. – С. 46–49.
- 12 Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. – 2007. – № 1. – С. 12–14.
- 13 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: действующая редакция с изменениями и комментариями. URL: <https://uikod.ru/> (дата обращения: 25.09.2025)
- 14 Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснование теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – С. 14–15.
- 15 Организация Объединенных Наций. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 от 17 декабря 2015 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/816764> (дата обращения: 25.09.2025)
- 16 Дело «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)». Жалоба № 74025/01: постановление Большой палаты. Европейский суд по правам человека от 6 окт. 2005 г. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70442> (дата обращения: 25.09.2025)
- 17 Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 23–41.
- 18 Совет Европы. Рекомендация Комитета министров государствам-членам о Европейских тюремных правилах (принята 11 января 2006 г., пересмотрена 1 июля 2020 г.). URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/coeministers/2006/11978> (дата обращения: 25.09.2025)

REFERENCES

- 1 Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 13 ijunja 1996 g. No. 63-FZ (red. dejstvujushhaja) URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397073&pos=597;217 (data obrashhenija: 13.03.2026). (In Russian)
- 2 Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnik / pod red. V.I. Seliverstova. 9-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2023. P. 51–52. (In Russian)
- 3 Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnik / pod red. V.I. Seliverstova. 9-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2023. P. 49–50. (In Russian)
- 4 Gorobcov V. (2004) O perspektivah rasshirenija predmeta ugolovnogo prava // Ugolovnoe pravo. No. 3. P. 20–21. (In Russian)
- 5 Andreev I. (1978) Oчерk po ugolovnomu pravu socialisticheskikh gosudarstv. M. P. 12–13. (In Russian)
- 6 Gorobcov V. (1978) Oчерk po ugolovnomu pravu socialisticheskikh gosudarstv. M. P. 20–21. (In Russian)
- 7 Zvecharovskij I. Je. (1999) Ponjatje, sistema, vidy mer ugolovno-pravovogo haraktera / Rossijskoe ugolovnoe pravo: kurs lekcij. V. 2. Nakazanie. Vladivostok. P. 3–8. (In Russian)
- 8 Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast'. Irkutsk, 1994. P. 187–214. (In Russian)
- 9 Ugolovnyj zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovanija / pod red. V.N. Kudrjavceva, S.G. Kelina. M., 1987. P. 186–194. (In Russian)
- 10 Rossijskoe ugolovnoe pravo: kurs lekcij. V. 2. Nakazanie / pod. red. A.I. Korobeeva. Vladivostok, 1999. P. 7–8. (In Russian)
- 11 Medvedev E. (2009) Ponjatje i vidy inyh mer ugolovno-pravovogo haraktera, primenjaemyh za sovershenie prestuplenij // Ugolovnoe pravo. No. 5. P. 46–49. (In Russian)
- 12 Zvecharovskij I. (2007) Ponjatje mer ugolovno-pravovogo haraktera // Zakonnost'. No. 1. P. 12–14. (In Russian)
- 13 Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: dejstvujushhaja redakcija s izmenenijami i kommentarijami. URL: <https://uikod.ru/> (data obrashhenija: 25.09.2025) (In Russian)

14 Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanie teoreticheskogo modelirovaniya / Pod red. d.ju.n., professora V.I. Seliverstova. M.: ID «Jurisprudenciya», 2017. P. 14–15. (In Russian)

15 Organizacija Ob#edinennyh Nacij. Minimal'nye standartnye pravila obrashhenija s zakljuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely): prinjaty rezoljuciej General'noj Assamblei OON 70/175 ot 17 dekabrya 2015 g. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/816764> (data obrashhenija: 25.09.2025) (In Russian)

16 Delo «Herst protiv Soedinennogo Korolevstva (No. 2)». Zhaloba № 74025/01: postanovlenie Bol'shoj palaty. Evropejskij sud po pravam cheloveka ot 6 okt. 2005 g. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70442> (data obrashhenija: 25.09.2025) (In Russian)

17 Ashworth A. (2015) Sentencing and Criminal Justice. Cambridge: Cambridge University Press. P. 23–41. (In English)

18 Sovet Evropy. Rekomendacija Komiteta ministrov gosudarstvam-chlenam o Evropejskih tjuremnyh pravilah (prinjata 11 janvarja 2006 g., peresmotrena 1 ijulja 2020 g.). URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/coeministers/2006/11978> (data obrashhenija: 25.09.2025) (In Russian)

ТАТИКОВ Р.У.,*¹

докторант.

*e-mail: tatikov.renat17@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-7694-0450

БАЛТАБАЕВ К.Ж.,¹

з.ф.д., профессор.

e-mail: baltabaev48@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-5885-5161

АБДУКАРИМОВА Н.Э.,²

з.ф.д., доцент.

e-mail: n.eshmuhamedovna@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6353-2528

ДРОКИН Ю.Н.,^{1,3}

магистр, аға оқытушы.

e-mail: drokinjurij@ Rambler.ru

ORCID ID: 0009-0008-5898-0108

¹Қазақстан-Америка университеті,

Өскемен қ., Қазақстан

²Қырғыз ұлттық университеті

атындағы Ж. Баласағын,

Бішкек қ., Қырғызстан

³Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия

ұлттық университеті,

Астана қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ЗАҢНАМАСЫ ЖӘНЕ ӨЗГЕ ДЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЫҚПАЛ ЕТУ ШАРАЛАРЫ

Андатпа

Мақалада қылмыстық жазамен қатар қылмыстық-құқықтық мәжбүрлеп ықпал етудің өзге де шараларын бекітетін Қазақстан заңнамасының нормативтік ережелері қарастырылады. Бұл шаралар пенитенциарлық заңнама деңгейінде де, Қазақстан Республикасының қолданыстағы Қылмыстық кодексінің ережелерінде де нормативтік көрініс тапқаны көрсетіледі. Авторлар аталған құқықтық институттың доктриналық түсіндірмелерін ескере отырып, оның салааралық талдауын жүргізеді, оның негізінде қылмыстық-құқықтық сипаттағы мәжбүрлеу шараларының мәні туралы өзіндік авторлық түсінік қалыптастырылады. Зерттеу нәтижесінде қылмыстық-құқықтық ықпал етудің басқа шараларының қолданыстағы редакциясы олардың құқықтық табиғаты мен мақсаттарына толық сәйкес келмейді, бұл тиісті заңнамалық ережелерді жетілдіру қажеттілігін тудырады деген қорытынды жасалады. «Жәбірленушілерге өтемақы қоры туралы» 2018 жылғы 10 қаңтардағы Қазақстан Республикасының Заңын талдауға ерекше назар аударылады, оның ережелері мәжбүрлі төлем институтын реттейтін 98-1 және 98-2-баптарды енгізуді қоса алғанда, ҚР ҚК жалпы

бөлімінің қорытынды бөлімін трансформациялауға әсер етті. Авторлар бұл механизмнің іс жүзінде екі жақты қылмыстық жауапкершіліктің белгілері бар деген пікірді алға тартады, бұл мәжбүрлеу шараларын қайта қолдануға конституциялық тыйым салуға қайшы келеді. Уәкілетті органдардың осы шараларды іске асыру проблемасы жеке атап өтіледі, бұл қосымша теориялық және практикалық түсінуді талап етеді.

Тірек сөздер: қылмыстық-құқықтық ықпал ету, мемлекеттік-құқықтық мәжбүрлеу тетіктері, қылмыстық жаза, мәжбүрлеп төлем, жәбірленушілерге өтемақы қоры, пенитенциарлық заңнама, қылмыстық құқық.

TATIKOV R.U.,*¹

doctoral student.

*e-mail: tatikov.renat17@mail.ru.

ORCID ID: 0009-0004-7694-0450

BALTABAYEV K.Zh.,¹

d.l.s., professor.

e-mail: baltabaev48@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-5885-5161

ABDUKARIMOVA N.E.,²

d.l.s., associate professor.

e-mail: n.eshmuhamedovna@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6353-2528

DROKIN YU.N.^{1,3}

m.l.s., senior lecturer.

e-mail: drokinjurij@rambler.ru

ORCID ID: 0009-0008-5898-0108

¹Kazakh-American University,
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

²Kyrgyz National University
named after Zh. Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyz Republic

³L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

THE PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND OTHER MEASURES OF CRIMINAL LEGAL IMPACT

Abstract

This article examines the regulatory framework of Kazakh legislation establishing other measures of criminal law coercion alongside punishment. These measures are normatively закреплены in penitentiary legislation and the current Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. The authors conduct a legal analysis of this institution, consider doctrinal approaches, and formulate their understanding of the legal nature and essence of coercive criminal law measures. The study concludes that the existing system of other criminal law measures does not fully correspond to their legal nature and purposes, necessitating improvement of legislative regulation. Particular attention is paid to the Law of the Republic of Kazakhstan of January 10, 2018 “On the Victims Compensation Fund,” which influenced the transformation of the final section of the General Part of the Criminal Code, including Articles 98-1 and 98-2 regulating compulsory payments. The authors argue that this mechanism contains elements of double criminal liability, contradicts constitutional prohibitions on repeated coercive measures, and presents problems in practical implementation.

Keywords: criminal legal impact, state-legal coercive mechanisms, criminal punishment, forced payment, compensation fund for victims, penitentiary legislation, criminal law.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.01.2026